

УДК 81'373 : 81'246.2

СТРАТЕГИИ И ОПОРЫ ПРИ ИДЕНТИФИКАЦИИ СЛОВ ДЕТЬМИ-БИЛИНГВАМИ

Э.В. Саркисова

Тверской государственный университет, Тверь

В статье представлены результаты экспериментального исследования по идентификации незнакомых слов детьми-билингвами в Германии. Ставилась цель выявить основные стратегии и опоры идентификации слов в контексте и вне контекста.

Ключевые слова: *билингвизм, лексикон билингва, ментальные репрезентации, стратегии / опоры идентификации.*

При изучении вопросов идентификации незнакомых лексических единиц как вне контекста, так и в тексте на иностранном языке (далее – ИЯ) представляют интерес особенности осуществления этого процесса детьми-билингвами (немцами, уже владеющими русским языком на базовом уровне). Целью наблюдения и дальнейшего экспериментального исследования было определение доминирующих стратегий и опор при идентификации иноязычного слова. Использовалась комплексная методика исследования, включающая методы лингвистического анализа и наблюдения и проведение свободного ассоциативного эксперимента.

С целью верификации сделанных в ходе наблюдений выводов был проведён эксперимент, проходивший в два этапа с участием 18 детей-билингвов в возрасте 9–11 лет (6 мальчиков и 12 девочек), являющихся учащимися образовательного центра для детей и взрослых «Исток» в г. Бохум, Германия (Kulturzentrum für Kinder und Jugendliche e.V. Istok). Работа с детьми велась в течение трёх месяцев (с января по март 2013 г.). На первом этапе детям предлагалось дать реакции на стимульный материал, состоящий из 10 слов на русском языке, а именно – ассоциацию или «объяснение» слова на русском языке или, в случае затруднения, предполагаемый перевод на немецкий язык. Второй этап – предъявление этих же слов в предложениях – предполагал «расшифровку» слова на русском языке и перевод предложений на немецкий язык.

Ниже приводятся использовавшиеся в эксперименте слова русского языка, по звучанию схожие со словами немецкого языка, полиморфемные слова, а также лексические единицы, пройденные с детьми на занятиях: *эльф, расточительный, хоровод, лозунг, побелеть, манекен, ратовать, переубедить, кисель, клянчить*. Все существительные были предъявлены с прописной буквы во избежание интерференции по линии немецкого языка, где существительные маркированы заглавной

буквой. Кроме того, существительные и прилагательные были предъявлены в словарной форме, глаголы – в неличной форме.

На втором этапе эксперимента дети работали со следующими предложениями: *Эльфы – волшебные существа. Он очень расточительный, он потратил все деньги. Они водили хоровод и пели песни. Наш лозунг: «Мы должны хорошо учиться!». Она побелела от страха, словно снег. На манекене был красивый костюм. Он ратовал за правду и справедливость. Он упрямый, я не переубедил его. Он выпил стакан киселя. Сын кланчил игрушку у отца в магазине.*

Необходимость перевода предложений на немецкий язык на втором этапе эксперимента вызвана особым интересом к исследованию переводческих способностей двуязычных детей. Г.Н. Чиршева [5, с. 153] утверждает, что посредством переводческой деятельности билингвы осознают семантические и стилистические особенности языков, анализируют, каким образом различные языковые системы соотносятся с одним и тем же языковым субстратом.

По анализу реакций, полученных на первом этапе эксперимента, замечено, что респонденты продемонстрировали значительный разброс мнений относительно значений предъявленных слов в связи с ориентированием как на русский, так и немецкий языки: для некоторых определяющей оказалась внутренняя форма слова (*рас-точ-ительный, хоровод*), в то время как остальные «цеплялись» за его звуковой облик, уводящий их к более родному немецкому языку и определяющий значение (*эльф – elf, II; лозунг – Lösung; ратовал – raten* и т.д.). На втором этапе эксперимента диапазон реакций значительно сужается в силу наличия контекста, предполагающего специфику семантико-синтаксического функционирования слов в предложении. Подобные реакции отражают принцип организации и функционирования ментального лексикона, а также внутреннюю структуру лексических единиц, выводящую на их ментальные репрезентации. Процедуры анализа и синтеза полиморфемного слова позволяют увидеть уже знакомые части, морфемы, в незнакомом / новом слове и способствуют его распознаванию, которое, однако, как показали реакции, может идти и по ложному пути (*кисель – ель, сел; расточительный – точить, переточен* и др.). Стоит отметить, что подобный дистрибутивный анализ не ограничивается реакциями только на русском языке, что возвращает нас к вопросу о том, хранятся ли лексические единицы билингвов в одной или двух концептуальных базах. Испытуемые (далее – Ии.) прибегали ко всему разнообразию наличных средств и опор для идентификации слов-стимулов, поскольку восприятие незнакомого слова (как нечто извне, что вторгается в уже сложенный механизм) неизбежно влечёт за собой выход концептуальной системы индивида из состояния равновесия, о чем пишет Ю.В. Федурко, рассматривая ментальный лексикон через призму синергетического

подхода [4, с. 37]. И тогда перцептивно-когнитивно-аффективный опыт индивида, предполагающий выход за пределы непосредственно воспринимаемой информации, во всём своём богатстве и разнообразии подключается к поиску искомого значения, что приводит к перестройке всей системы.

При анализе реакций, полученных на первом этапе эксперимента, наряду со стратегией декомпозиции единиц обнаружены и другие стратегии идентификации значения слова, речь идет о переносе / трансференции. М. Кляйн [6] говорит о «ложных эквивалентах», имеющих сходство в звучании со словом другого языка (лозунг – *die Lösung*, манекен – *Männchen*, кисель – *der Kessel*). Сюда же можно отнести калькирование, или буквальный перевод сложного слова. Наряду с интерференцией на семантическом уровне можно выделить лексическую интерференцию, проявляющуюся в «идентификации значений корреспондирующих слов двух языков» [3, с. 27], базирующуюся на количественном или качественном отождествлении семантического объёма лексических единиц языков (клянчить – *fragen*, переубедить – *beweisen, überzeugen*, а не *überreden*).

Часть Ии. прибегла к тактике дачи «дефиниции» как на русском, так и немецком языках, приёму описания: расточительный – *может когда ты расстроиш*; манекен – *кукла, на ней выставляют вещи* (очевидно, определение *кукла* детерминировано немецким *die Schaufensterpuppe*). Интересными оказались реакции, описывающие некоторые ситуации, в то же время отражающие детскую логику и незаурядный ум: клянчить – *конфету*; кисель – *это фкусно*; хоровод – *зит G-tag, у елки*; эльф – *это в сказках бывает, у эльфа уши spitz, мурская Feя* и др. В данных примерах читается дисграфия, как правило, свойственная детям-билингвам и носящая эклектический характер, так как подразумевает ошибки, типичные для различных форм дисграфии у детей-монолингвов; имеются также специфические проявления по типу языковой интерференции (особые для билингвизма искажения), например, замена букв кириллицы латинскими коррелятами, написание имён существительных с заглавной буквы. Здесь же можно наблюдать принцип переключения кодов, когда И. чувствует недостаток ресурсов для выражения мысли и прибегает к своему первому языку. Подобные двуязычные высказывания – обычное явление для детей-билингвов. Согласно [De Houwer 2009], «... mixed utterances are highly creative features of speech. They are exclusively available to bilinguals» [7, с. 44].

В этих коротких «дефинициях» прослеживается также и интерференция на уровне синтаксиса (*варят его*, а не *его варят*; *это в сказках бывает*, где осуществлен перенос рамочной конструкции с немецкого языка на русский, в силу чего глагол занимает последнюю позицию), наиболее ярко выраженная в реакциях, данных на втором этапе

эксперимента, направленном на проверку формальных связей в ментальном лексиконе.

Говоря о формальных связях, следует подробнее остановиться на грамматическом аспекте ответов испытуемых. Несмотря на то что все слова-стимулы были предъявлены в абстрактной начальной форме (существительные в форме номинатива, глаголы – инфинитива, прилагательные – в форме именительного падежа, мужского рода, единственного числа), т. е. так, как они зарегистрированы в словарях, большая часть Ии. перекодировала воспринятую инфинитивную форму глагола в личную, что отображено в реакциях как на русском, так и немецком языке: кланчить – *ты хочеш и достоеш* (2 лицо, ед. ч.), побелеть – *z.B. eine Wand weiss anstreicht* (er, sie), *wenn etwas ausbleicht, weiss wird*. То же характерно и для реакций, данных на слова других частей речи: расточительный – *тратит* деньги (3 л., ед. ч.), *может* когда *ты* *растроин*. По полученным реакциям можно судить, что воспроизводится некоторая определённая ситуация, единичный фрагмент языковой реальности Ии. Как отмечает В.А. Белов [1, с. 201], при восприятии текста Ии. стремятся воссоздать ситуацию, что всегда подразумевает некоторый сигнификативный элемент. Это явление отражает ещё один принцип построения и функционирования ментального лексикона, а именно – для того чтобы индивид вспомнил значение слова, необходим контекст ситуации, которая задаётся глаголом в личной форме. Очевидно, что на первом этапе эксперимента у каждого респондента этот контекст свой: за каждым словом скрыт некий образ, нечто личностное, выход на это осуществляется через графемную и/или звуковую форму слова.

Итак, при анализе реакций (также и 2-ого этапа эксперимента) были зафиксированы следующие виды интерференции (см. рис. 1):

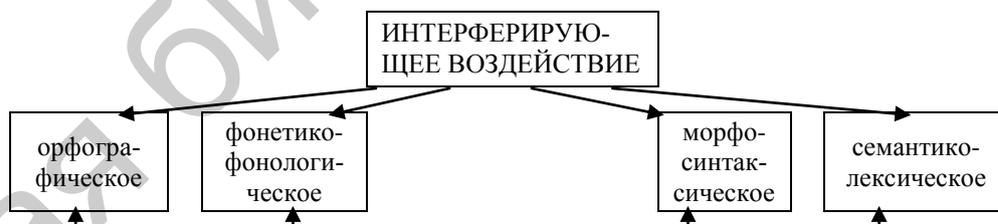

Рис. 1

Второй этап эксперимента способствовал выявлению значения слов, проигнорированных Ии. на первом этапе, см. примеры (1), а также переосмыслению / корректировке изначально данных реакций (2), некоторые реакции остались прежними (3), что в процентном соотношении может быть представлено следующим образом (см. рис. 2).

- (1) Расточительный – *если кто-то деньги тратит*; кланчить – *etwas sehr stark wollen und bitten*; переубедить – *на другие мысли посадить*; манекен – *выставка*;
- (2) Лозунг → *Lösung* → *Slogan*; кисель → *der Kessel* → *Getränk*; хоровод → *тонель* → *танцы*; кланчить → *кланица* → *украл/der Sohn hat was von den Spielzeugen geklaut*;
- (3) Эльф – *эльфы*; хоровод – *танцы* и др.

Рис. 2

Как видно из приведённых примеров, контекст способствовал более «продуктивному» поиску догадки о значении слов-стимулов, изменяя траекторию развития идей Ии., создавая определённую картину происходящего в каждом предложении. Полученные реакции (2) показывают, что не всегда респонденты шли по «верному пути», однако, методом проб и ошибок большая часть Ии. смогла верно найти значение, чему способствовало установление причинно-следственных связей: хоровод (песни → *танцы*), кисель (стакан → *напиток*) и др. Очевидно, что на второй план отходят стратегии ассоциирования слов-стимулов с другими похожими по звучанию или написанию словами русского или немецкого языков, внутренняя форма теперь не только не оказывается доминантой в процессе идентификации незнакомого слова, но в ряде случаев вступает в конфликт с «новой» идеей, порожденной контекстом, в результате чего Ии. попадают в двойственную ситуацию, когда приходится осуществить выбор между изначальной и «новой» трактовкой значения слова. Но именно этот конфликт и порождает другое видение, поскольку новое не возникает, если всё верно и симметрично.

Интересной оказалась следующая реакция И. на слово *лозунг*, изначально проинтерпретированное им как *Lösung*: *Slogan im Supermarkt* з.В. *Real: Einmal hin, alles drin* (*Real* – название супермаркета в Германии). Это очевидная демонстрация некоего образа, стоящего за словом и отражающего культурный опыт ребёнка. Описываемый поиск «нового» тождественен поиску центра, вокруг которого и будет модифицироваться и выстраиваться дальнейшая «структура». Как полагает Ж. Деррида,

размышляющем о взаимоотношениях между центром и определяемой им структурой, структура немислима без центра, поскольку он организует и направляет, но вместе с тем и ограничивает поле деятельности [8, с. 279]. Так и в нашем случае: найдя новый «центр», Ии. отказывались от предыдущего варианта развития «сценария», выстраивая новые связи и отношения, новую «структуру», которая всегда произвольна и случайна (*arbitrary*). Ж. Деррида противопоставляет изначально непоколебимую и зафиксированную структуру и «нечто», что спонтанно врывается извне, ослабляя и видоизменяя её. В нашем эксперименте этим «нечто» является слово-стимул. Подобный бриколажный (под бриколажем Ж. Деррида понимает процесс установки центра) процесс поиска и установки центра, определяющего понимание значения искомого слова Ии., вполне может быть взят за модель идентификации незнакомого слова ИЯ в контексте. Кроме того, сам термин «бриколаж» (франц. *bricolage*) предполагает создание предмета из подручных материалов (у нас контекст) или сам этот предмет.

Итак, при чтении текста / предложения мы пытаемся создать его гештальт, в идеальном случае – абсолютно законченный, без каких бы то ни было пробелов, т.е. стремимся к обретению чувства целостности текста. В действительности же процесс чтения и восприятия динамичен и предполагает постоянную активность со стороны воспринимающего, что приводит к построению новых ментальных репрезентаций. В полученных реакциях это отражено в многократных исправлениях со стороны Ии., свидетельствующих об отказе от установления каузальных связей и обращении к опыту воспринимающего сознания.

Как отмечает А.А. Залевская,

«... чтобы опознать слово как таковое, его нужно включить во внутренний контекст предшествующего опыта познания и общения, т.е. “высветить” в голограмме индивидуального образа мира полимодальный образ соответствующего объекта (действия, состояния и т.д.) как некую сущность с определёнными признаками, свойствами, связями и отношениями, типичными и возможными / невозможными ситуациями, пресуппозициями и импликациями, а также с социально принятым и/или личностным отношением к именуемой сущности» [2, с. 57].

При этом во взаимодействие вступают предшествующий опыт индивида (то, что лежит за словом) и предполагаемое развитие ситуации, задаваемое, как правило, контекстом. Слаженное функционирование и взаимодействие этого опыта с «внешней» ситуацией обеспечивает верное понимание текста, а также лексический доступ к незнакомой единице. Итак, постоянное взаимодействие внешних и внутренних факторов задаёт направление траектории поиска значения слова.

Анализ полученных реакций показывает, что не все Ии. устанавливали причинно-следственные связи, детерминированные наличным

контекстом. В этих случаях мы можем наблюдать работу «клипового» сознания, предполагающего отсутствие способности что-либо логически соединять: Ии. «хватались» то за одно, то за другое слово предьявленного предложения, скачкообразно перемещаясь по тексту, что читается в полученных реакциях: *Er hat ehrlich und lieb gearbeitet* (реакция на *Он ратовал за правду и добро*), *Karneval wahr schöne Kostüme* (реакция на *На манекене был красивый костюм*) и др. Примеры свидетельствуют о тактике опущения детьми незнакомого элемента или даже части предложения, что приводит к перестроению предложения в синтаксическом плане и полной субституции одной конструкции другой, или к тактике замещения незнакомого предполагаемым вариантом, при этом наблюдается сохранение грамматического, синтаксического облика предложения. Подобное наблюдение позволяет выделить два уровня идентификации слова: формальный и функциональный. Первый предполагает опору на форму выражения и её неперемное сохранение, второй – превосходство концептуального развития в обеспечении первичного значения для грамматических форм.

Итак, в процессе идентификации незнакомого слова одинаково важны как его внутренняя форма, так и наличный контекст, взаимодействие которых обеспечивает выход искомого значения на табло сознания, способствуя формированию эффекта эмерджентности, ибо любая опора может оказаться наиболее весомой и актуальной для индивида.

Список литературы

1. Белов В.А. О доминирующей словоформе грамматической парадигмы [Текст] / В.А. Белов // Вестник Тверского государственного университета. – Серия «Филология». – 2012. – № 24. – Вып. 4 «Лингвистика и межкультурная коммуникация». – С. 198–202.
2. Залевская А.А. Внутренний контекст и метафора «живой поликодовый гипертекст» [Текст] / А.А. Залевская // Вестник Тверского государственного университета. – Серия «Филология». – 2012. – № 24. – Вып. 4 «Лингвистика и межкультурная коммуникация». – С. 55–62.
3. Имедадзе Н.В. О двух уровнях лексической интерференции в процессе усвоения второго языка [Текст] / Н.В. Имедадзе // Взаимодействие языков в процессе обучения. Вильнюс, 1971. – С. 27–29.
4. Федурко Ю.В. Синергетическая природа процесса идентификации нового слова: опыт экспериментального исследования [Текст] / Ю.В. Федурко // Вестник Тверского государственного университета. – Серия «Филология». – 2007. – № 24. – Вып. 9 «Лингвистика и межкультурная коммуникация». – С. 37–46.
5. Чиршева Г.Н. Основы онтобилингвологии [Текст] : дис. ... докт. филол. наук : 10.02.19 / Г.Н. Чиршева ; ВИТУ. – СПб. , 2001. – 456 с.

6. Clyne, M. Transference and triggering. Observations on the language assimilation of postwar German migrants in Australia [Текст] / М. Clyne. – The Hague : Nij-hoff, 1967. – 274 p.
7. DeHower, A. Bilingual first language acquisition [Текст] / А. DeHower. – Multilingual Matters Limited, 2009. – 412 p.
8. Derrida, J. Writing and difference / J. Derrida : пер. с франц. – 1978. – 343 с. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://books.google.ru/books?id=eolGLbsWZEC&printsec=frontcover&source=gbs_ge_summary_r&cad=0#v=onepage&q&f=false (извлечено 15.03.2013).

STRATEGIES AND CLUES OF IDENTIFICATION OF UNKNOWN WORDS BY BILINGUAL CHILDREN

E.V. SARKISOVA

Tver State University, Tver

The article presents the results of the psycholinguistic experiment in identification of unknown words by bilingual children in Germany. The experiment was aimed at defining strategies and clues of word identification both in and out of the context.

Keywords: *bilingualism, bilingual mental lexicon, mental representations, strategies / clues of identification.*

Об авторе:

САРКИСОВА Элина Владиславовна – аспирант кафедры английского языка Тверского государственного университета, e-mail: traum18@yandex.ru